

Я-ГИТАРИСТ

Воспоминания

**ПЕТРА
ПОЛУХИНА**

Петр Полухин

**Я – гитарист. Воспоминания
Петра Полухина**

«Издательские решения»

Полухин П.

Я – гитарист. Воспоминания Петра Полухина / П. Полухин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-502804-4

Книга представляет собой воспоминания, написанные выдающимся гитаристом современности. Читатель узнает много интересного о жизни Петра Полухина в Советском Союзе и за рубежом.

ISBN 978-5-00-502804-4

© Полухин П.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Родители	7
Начало серьёзного занятия музыкой	9
Студенческие годы в музучилище	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Я – гитарист. Воспоминания Петра Полухина

Петр Полухин

© Петр Полухин, 2019

ISBN 978-5-0050-2804-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Петр Иванович Полухин

Предисловие

Его концерты проходили в переполненных залах. Репертуар гитариста был обширен, включая в себя обработки народных песен и лучшие произведения гитарной классики. «Для своих выступлений я выбирал не заигранные пьесы, а редко исполняемые, но имеющие художественную ценность, – пишет он, – и всегда играл на гитарах отечественных мастеров, не мечтая о гитарах Рамиреса или Флета. Как говорится, «Не имей Амати, а умей играти».

Выступал он во многих крупных городах Советского Союза и Европы: в Берлине, Мюнхене, Хельсинки, Лейпциге, Магдебурге, Кракове, Гданьске, Братиславе, Праге, а также в Аргентине, США, Канаде. Будучи неудовлетворенным отношением к культуре официальных властей Украины и условиями для творческой деятельности в стране, музыкант через несколько лет после распада СССР принял приглашение о работе за границей. Четыре года жил в Аргентине, в городе Кордоба, где у него было много выступлений, а затем переехал в США. В настоящее время Пётр Иванович Полухин живет в Канаде.

Надеемся, что его воспоминания будут интересны широкому кругу читателей и, в первую очередь, гитаристам.

Н. Таратухин.

Часть первая

Родители

Мои родители русские, православной веры. Отец – Полухин Иван Петрович, родился в тысяча девятьсот втором году в селе Петраковка, Курской области. Мать – Полухина Мария Дмитриевна, тысяча девятьсот десятого года рождения, донская казачка, родилась в деревне Машлыкино, Ростовской области.

Отец рассказывал, что когда ему было пятнадцать лет, он под впечатлением игры на гармонии сельского гармониста, выкрал у отца деньги, которые тот собирал на покупку коровы и купил себе «хромку». Так назывались в то время русская двухрядная диатоническая гармоника. Конечно, это ему дорого обошлось, выволочку получил приличную, да и деревня вся смеялась над ним. Но тут случилась революция. Власть захватили большевики. «Керенки» исчезли из обращения, корову не купили, а гармонию осталась.

Мой отец от природы имея отличный музыкальный слух и память, быстро научился играть «по слуху» не только «Барыню», но и другие модные в то время танцы и песни. Его начали приглашать играть на свадьбах, и он заработал денег и на корову, и на ремонт обветшавшей кровли их дома.

После окончания гражданской войны состоялся первый призыв в Красную Армию. Отца призвали служить. Он служил в Москве, охранял Кремль. После завершения срочной службы ему предлагали поступить в школу командиров, но он отказался и вернулся в Петраковку. В стране была объявлена новая экономическая политика, так называемый НЭП. Отец открыл сапожную мастерскую, но дела пошли плохо, и он уехал на Донбасс. Хотел работать шахтёром, но устроился на патронный завод сначала учеником, а затем работал токарем.

Мать моя к этому времени уже побывала замужем и имела двоих детей от первого брака. Её мужа – Павла Павленко за отказ работать в колхозе, сослали в Сибирь на перевоспитание. Муж там заболел и умер. Мать осталась вдовой с двумя детьми. Младшему Ивану был год, старшему Алексею – четыре года. Начался голод. Ваня умер, а Алексей выжил. Мать поступила работать в совхоз, где директором был дальний её родственник, который сумел ей помочь уехать в Луганск. Поступила на патронный завод разнорабочей. Образования она не получила.

Родители рассказывали, что на заводе их кто-то познакомил друг с другом, и они поженились. На окраине Луганска отец своими руками построил небольшой домик на большом земельном участке, где посадили с матерью много фруктовых деревьев. В этом доме восьмого июля тысяча девятьсот сорок первого года родился я. А в стране уже шла Великая Отечественная война.

Отца в первые же дни войны эвакуировали с заводом в Подмосковье. Мать рассказывала, что немцы, захватив Луганск, оставили итальянцев и двинулись дальше. Итальянцы особо не свирепствовали, но мы сильно голодали. Я заболел рахитом. Очень болел позвоночник. Мать меня лечила народными средствами по советам бабки, а то мог бы оказаться горбатым.

Окончилась война. Четыре родных брата матери погибли на войне. Отец не воевал, но трудился на военном заводе дни и ночи, своим трудом обеспечивая нашу Победу. После войны вернулся в Луганск. По христианскому обычаю решили меня крестить. Как рассказывала позже мне мать, во время крещения случился казус: у батюшки от свечи загорелась ряса. Но батюшка не растерялся и сказал, что это знамение – у ребёнка будет необычайная, яркая жизнь. Жизнь, действительно, оказалась насыщенной яркими событиями и думаю, что они будут интересны читателям.

Послевоенные годы запомнились тем, что мне постоянно хотелось есть, и я мечтал, когда вырасту, то стану поваром и вдоволь наемся. Увы, поваром не стал, а стал гитаристом. Я не случайно стал играть на гитаре. Наш домик находился на окраине Луганска, а дальше было поле, заросшее бурьяном и кустарником, а за ним посёлок имени Кирова. Однажды приехали цыгане, поставили палатки и закипела цыганская жизнь. Женщины гадали на картах, а мужчины делали металлическую посуду: вёдра, кастрюли. Мой отец в то время работал на паровозостроительном заводе имени Октябрьской революции. Несмотря на то, что он не имел достаточного образования – окончил всего четыре класса церковно-приходской школы, но у него был очень красивый почерк.

Отец помогал цыганскому барону выписывать на заводе обрезки листового железа для изготовления посуды и заполнять всякие бумаги. Барон не мог ни читать, ни писать. Шёл 1950 год, посуда была большой редкостью. Цыгане посуду лудили, покрывали медным купоросом, и она выглядела, как медная. Простодушных, доверчивых людей обманывали, говорили, что это медная посуда и люди её покупали. Мать цыганкам шила одежду. Однажды у неё пропали ножницы. Это был в то время серьёзный дефицит. Мать пошла к барону и рассказала о пропаже. Ножницы подкинули. Но серьёзного воровства не было.

Я до сих пор помню вкус баронского бутерброда: кусок батона, намазанный маргарином и сверху политый сливовым вареньем. Вечерами цыгане отдыхали, пели песни под гитару и танцевали. Собиралось много людей, аплодировали, но денег не давали – их у людей не было – время было трудное.

В это время, когда я учился в школе, влюбился в девочку Надю. Жила она с матерью и старшим братом недалеко от нас. С братом часто дрался. Отец у них погиб на войне. Старшая сестра Нади сидела в тюрьме. Когда она вышла на свободу, то выглядела измождённой старухой, хотя была совсем не старой. К Наде у меня была чистая детско-юношеская любовь. К ней на свидание я ходил часто с пучком моркови, вырванной на грядках. Уже не помню – было ли у нас объяснение в любви, но свою любовь к Наде я мечтал излить в песне под гитару, игра на которой была для меня чем-то божественным и недостижимым. Я просил отца купить мне гитару, но в семье не было свободных семидесяти пяти рублей, столько стоила самая дешёвая семиструнка в магазине. Но судьба уже предначертала мне моё музыкальное будущее и подбросила мне пятьдесят рублей, которые я нашёл на дороге. Отец добавил ещё двадцать пять, и гитара была куплена.

К ней прилагалась небольшая инструкция по настройке. Я читал её и почти ничего в ней не понимал. То, что первую струну надо натянуть произвольно – было понятно, но дальше говорилось, что вторая струна, прижатая на третьем ладу должна звучать в унисон с первой открытой. Что такое «Унисон?». Откуда идёт нумерация ладов – от головки гитары или от розетки? Что обозначают эти белые кружочки на грифе?..

Выручил брат Алексей, недавно вышедший из тюрьмы. Он всё мне растолковал. Даже научил трём аккордам. Под них я с друзьями пел разные блатные песни. Позже купил самоучитель игры, кажется Михаила Иванова, и начал изучать нотную грамоту.

Когда в клубе «Текстильщик» был организован ансамбль гитаристов под руководством Бориса Демидова, то я стал участником ансамбля. Свободное от школы время я учил азы нотной грамоты, осваивал технику игры, теперь уже на приобретённой шестиструнной гитаре. Прошли годы. Эта девочка стала Надеждой Морьевой – преподавателем танцев во дворце культуры имени Маяковского. Пути наши разошлись, но детская любовь к ней стала причиной влюблённости в гитару, с которой связана вся моя жизнь.

Начало серьёзного занятия музыкой

Но не только гитара занимала всё моё свободное время. Очень сильное впечатление на меня произвёл кларнет. Самостоятельно по школе немецкого кларнетиста Китцера я научился играть на кларнете и играл в школьном духовом оркестре. Затем попробовал себя в инструментальном квартете. В эти годы я пристрастился к чтению книг. Появилась идея – устроить обменную библиотеку. В летней кухне устроил стеллажи для книг, которые часто покупал на рынке у старушек и выдавал ребятам, которые приносили свои для обмена.

Но гитара вновь позвала к себе. В Доме Культуры завода имени Октябрьской Революции студент музыкального училища Николай Воробьёв организовал городской оркестр гитаристов. Репертуар оркестра был довольно сложный, но меня приняли, и я играл партию первой гитары. Познакомился с Анатолием Бельдинским – гитаристом и хорошим человеком. Он посоветовал мне поступать в музыкальное училище.

В 9—10 классах я проходил обучение токарному делу на небольшом заводе металлоизделий, который находился недалеко от музучилища. Его производственный мастер Иван Иванович говорил: «Пётр, посмотри, дверь в музучилище узкая, а у нас широкая. – Иди в узкую, а в широкую всегда пустят».

Я выбрал «узкую дверь» и после окончания школы стал готовиться к поступлению в музыкальное училище. Не помню всех подготовленных пьес. Помню только этюд Наполеона Коста ля мажор, опус номер двадцать три. Приёмной комиссии моя игра понравилась. Спросили: «Где обучался игре?». Ответил, что самостоятельно по самоучителю. На вопрос: «Как собираетесь сдавать экзамены по сольфеджио и теории музыки?» Пришлось заверить комиссию, что за год обучения я подготовлюсь и сдам экзамены по этим предметам.

После небольшого совещания, комиссия пошла мне навстречу, но стали проверять мой слух. На фортепиано нажимали одновременно две-три клавиши и просили спеть отдельно каждую ноту. С этим заданием я справился легко.

– Спойте гимн Советского Союза...

– Я не знаю слов...

– Как же так? Ведь его по радио передают каждое утро.

– У нас нет радио, – отвечаю без всякого вранья, – электричество провели недавно. Я занимался и читал при керосиновой лампе.

– Тогда спойте, что знаете.

Песен я знал предостаточно. Выбрал самую приличную. Не помню названия, но там были слова: «Мы одни, с нами только гитара, что умеет нам петь о любви...». Посмеялись, но приняли.

Студенческие годы в музучилище

Учился я хорошо. Преподаватели – «старая гвардия», получившая музыкальное образование на заре советской власти, знали свое дело блестяще и добросовестно учили нас ремеслу музыканта. Среди них были братья Исаака Осиповича Дунаевского – Михаил и Зиновий. Первый на основной работе был концертмейстером, а второй в своё время работал в Донецке дирижёром «Шахтёрского ансамбля песни и пляски». Написал песню «Спят курганы тёмные».

Сольфеджио и гармонию преподавал Лазарь Воль. Худой, с копной чёрных волос и с дьявольским блеском в глазах. Ну, вылитый чёрт! Талантливый композитор. Написал оперетту и её в городском театре исполняли. Однажды, на уроке сольфеджио, я решил пошутить (признаюсь, весьма неудачно). Когда пел гамму до мажор, то вместо ноты соль, спел – Воль. И что? «Посеешь, ветер – пожнёшь бурю». Он орал, что я бездарность, что я поступил потому, что дал взятку. Когда я сказал, что пожалуюсь директору, то он слегка стушевался. Но в процессе учёбы заставлял меня решать труднейшие гармонические задачи. Мне пришлось изрядно попотеть, но я так знал гармонию, что при поступлении в консерваторию, помогал своим землякам-абитуриентам.

Георгий Андреевич Аванесов – мой преподаватель гитары был домристом и технику игры на гитаре знал только в общих чертах. Главная заслуга его в том, что он готовил меня, как солиста, воспитывал, как спортсмена – быть уверенным в себе. Он говорил мне, что надо практиковаться столько, чтобы игра вызывала у публики иллюзию лёгкости. Но перед самым концертом нельзя играть программу. «Тебе через пятнадцать минут на сцену, – говорил он, – а ты уже всё сыграл. – игра твоя будет выхолощенной, неэмоциональной».

Вячеслав Ткачёв, преподаватель по общему фортепиано, слушая, как я играл «Вариации на тему Моцарта» Фернандо Сора, спросил: «А ты сможешь всё это пропеть? – если нет, то у тебя только пальцевая память, а она ненадёжная. Нужно всё пропевать».

Благодаря таким наставлениям, я стал артистом. Я никогда не разыгрывался перед концертом. Гитара лежала на стуле в концертном зале. Я в туалете горячей водой распаривал руки, шёл на сцену, проверял строй и начинал играть.

Как-то на уроке оркестровки мне задали работу: оркестровать «Старый замок» Мусоргского для оркестра народных инструментов и продирижировать. Вначале директор музучилища Виктор Кириллович Яровой перед оркестром начал рассказывать программу произведения: «Представьте старый заброшенный замок, полуразрушенный, вороны каркают». И предложил мне стать перед оркестром дирижировать.

Во мне взыграл дух противоречия. Я не долго думая, выпалил: «Друзья, Виктор Кириллович ошибается только потому, что прочитал неправильный перевод с французского. „Старинный замок“ на рисунке Гартмана, который вдохновил Мусоргского на музыку, совсем не такой. Перед замком стоит Трубадур и поёт серенаду».

Скандала не было. Он вызвал меня в кабинет и спросил: «Откуда ты это знаешь?». Я ему сказал, что принесу картинку Гартмана. Принёс и он меня поблагодарил. Я ему тоже очень благодарен. Он меня выручал неоднократно. Один случай я помню. На четвёртом курсе дирекция русского театра предложила мне оформить музыкально спектакль американского драматурга Теннесси – «Орфей спускается в ад». Я устно договорился с директором театра на определённую плату. Когда он перед спектаклем принёс контракт, где сумма была занижена вдвое, я отказался работать. Шум поднялся страшный. Вызвали директора училища: «Ваш студент срывает показ спектакля!». Когда он выслушал мои объяснения, то заявил директору театра, что я студент хороший, претензий ко мне нет, а то, что подрабатываю в свободное от учёбы время – это моё право. Я ушёл домой, а вечером ко мне приехал заместитель директора и при-

вёз переписанный контракт на ранее оговоренную сумму. Спектакль удался. Я с театром даже ездил на гастроли.

Мой дом находился от музучилища более, чем в пяти километрах. Я каждый день в любую погоду ходил на учёбу пешком. Общественный транспорт в наш район «Каменный брод» не ходил. Наш дом находился вершине холма. Чтобы зимой спускаться вниз и подыматься вверх, отец сделал, как у альпинистов приспособление, которое я привязывал к ботинкам и мог ходить без проблем.

Сочинительством музыки я начал заниматься где-то на втором- третьем курсах музучилища. Правда, почти все мои ранние сочинения пропали. Там были какие-то вальсы, ноктюрны и даже похоронный марш на смерть брата. Когда я был студентом музыкального училища, влюбился в пианистку Ирину Хрисонопуло. Её мать работала администратором гостиницы, деньги в её семье водились. Ирина была хорошо одета, и я со своими рабочими ботинками, в которых проходил всю учёбу в училище, стеснялся к ней подойти и признаться в любви. Но многие годы мы были друзьями. В 2012 году я написал «Интимную сюиту», как воспоминание о несбыточной любви.

В училище существовала организация под названием «Смурком». В неё входили студенты со странностями. Например, баянист – племянник первого секретаря горкома партии. Он по воскресеньям ходил на центральный рынок и учил цыган, выступавших там с песнями, музыкальной грамоте. В училище он летом и зимой ездил на велосипеде. Студентка Андриевская из дирижёрско-хорового отделения, только что изучив написание нот, заявила, что пишет концерт для хора с симфоническим оркестром. Или другой пример, Николай Полоз, в последствии, став композитором, написал девять симфоний, а студентом ходил по центральной улице с портретом Бетховена и спрашивал у прохожих: «Похож я на великого Бетховена?».

Чтобы стать членом «Смуркома», надо было пройти испытание. Студенты народного отделения: баянисты, домристы и балалаечники должны были у входа в здание филармонии, когда публика входит на представление, играть «Светит месяц». Другие же не народники, ходили в антрактах и предлагали купить потёртые подтяжки для брюк. Я был вице-президентом «Смуркома». На собраниях мы давали концерты. Например, исполнялись фантазии на тему «Чижик-Пыжик». Тромбонист Василий Слобков играл тему, а пианист Илья Наймарк играл виртуозную обработку. Скрипач Александр Панов, в последствии, профессор киевской консерватории, играл собственную обработку блатной песни «Падлюка Сонька».

Я тоже не отставал от других, пел под гитару блатные песни. Примерно такая же организация была и городской филармонии, но на более профессиональном уровне. Я жил в рабочем районе, на улицах по вечерам собиралось много блатных ребят. Они распевали песни и пили дешёвое вино. Когда я после занятий проходил мимо них, они звали меня поиграть. Кличка у меня была «Композитор». Я им играл популярные в то время мелодии типа французского вальса «Домино». В награду мне всегда давали стакан вина, как гонорар. Я был неприкасаемым. Меня никто не мог обидеть. Когда учился на третьем курсе и попытался сыграть им что-либо серьёзное из классики, они кричали:

– Эй, композитор, бросай училище! Ты с каждым годом играешь хуже!..

По общему фортепиано у меня сначала была молодая и красивая, лет сорока женщина. На одном из уроков она мне сказала:

– Пётр, у вас плохое стаккато. – Представьте, что это горячий утюг, – она взяла мою руку и опустила её на своё загорелое бедро. – Это утюг. Работайте пальцами... Смелее... Вам жарко?..

Меня начинало трясти и брюки становились тесными, но я не мог ничего поделывать с собой. А в это время приходит следующий ученик – аккордеонист Кукушкин. Ему двадцать шесть лет. Я говорю, чтобы немного успокоиться: «Можно, я еще немного поиграю на фортепиано?». Кукушкин начинает улыбаться. Успокоившись, я выскочил, как ошпаренный из класса.

А сзади раздался язвительный смех. Пошёл я к директору и попросился к другому преподавателю, объяснив причину неважным самочувствием. Директор удовлетворил мою просьбу, сказав, что я не первый, кто просит о переводе.

Мой новый преподаватель – Вячеслав Ткачёв дал мне для изучения пьесу Самуила Майкапара «Вариации на русскую тему». Эту пьесу я должен играть на академическом концерте. Вынужден был рано приходит в училище чтобы позаниматься. В ту пору классы были часто заняты, и мы студенты народного и духового отделений были не готовы к экзамену.

Когда у пианистов был экзамен по специальности, то зал был пуст, присутствовала только комиссия, а на экзамен по общему фортепиано других специальностей приходили, как в комнату смеха. Зал был полон народу. Все бурно переживали за товарищей, а те выдавали порой такие перлы исполнительства, что зал взрывался от смеха и аплодисментов. Начался экзамен. Мой предшественник, тромбонист. Шахта послала его учиться, чтобы он организовал на шахте духовой оркестр. Сел за фортепиано и начал играть «Полюшко-поле», песню композитора Книппера на две октавы выше, чем в нотах. В результате у него не хватило клавиш для высоких нот.

Я тоже выдал «на-гора» не хуже шахтёра. Сел за инструмент. Поправил свои длинные волосы. Ну, вылитый Ференц Лист!.. Тему народной песни сыграл без ошибок, но в виртуозной вариации запутался и остановился. Мой преподаватель говорит: «Играйте дальше». Я начал, но в таком медленном темпе, что преподаватель не выдержал и крикнул:

– Молодой человек, вы можете побыстрее!..

– А вы, наверное, куда-то спешите? – заметил я.

Гомерический хохот сопровождал мой уход со сцены. Пришлось пьесу доучивать. С большим трудом получил удовлетворительно.

Зато с гуманитарными предметами типа истмат и диамат у нас проблем не было. Девушки покупали цветы и заставляли стол преподавателя, чтобы ему не было видно, как студенты во время экзамена открывают книги и списывают ответ на билет. Я с друзьями покупал водку и перед экзаменом наливал в графин вместо воды. Первые шли отвечать те, которые знали предмет. Преподаватель наливал в стакан и выпивал. Затем выходил в буфет закусить. В это время доставались книги и шла подготовка к экзамену. После экзамена мы сажали его в такси и везли домой.

Стипендия у меня была шестнадцать рублей и мне приходилось подрабатывать. Отец получал не очень большую зарплату, хотя был токарем высшего разряда. После войны пошёл на паровозостроительный завод имени Октябрьской революции работать токарем. Квалификация была не очень высокой, поскольку во время войны выполнял однообразную работу – расточкой болванок для мин и снарядов. Во вторую смену на завод приводили пленных немцев. Сменщик был токарь-немец. Он учил отца мастерству токарного дела. Отец ему носил из дома продукты, что было тоже не просто в голодное время. Когда немец вернулся домой, писал письма, приглашал в гости, но отец не отвечал, не хотел иметь неприятности с КГБ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.